

Анатолий Викторович
Давыдчик

Бешеный сапер: Вторая война

Анатолий Викторович Давыдчик

Бешеный сапер: Вторая война

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63015801

ISBN 9785005165589

Аннотация

Это история гибели псковского спецназа в урочище Малый Харсеной, и что было далее. А далее были попытки найти себя, смысл всего происходящего и не только, а продолжение уже в других книгах. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

ПРОЛОГ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Бешеный сапер: Вторая война

**Анатолий Викторович
Давыдчик**

© Анатолий Викторович Давыдчик, 2020

ISBN 978-5-0051-6558-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Двадцать лет прошло с того утра в урочище Малый Харсеной. Двадцать лет. Выросло поколение, которое не знает, да и не хочет по правде знать. Зачем?

Я вот иногда думаю: зачем, почему? Главное – как так получилось, что тридцать с лишним парней, погибли, в расцвете сил, полные планов и надежд. Вот так просто – погибли и все.

С каждым годом это будет забываться и порастать огромным количеством небылиц и историй. Разобраться кто и что будет все сложнее и сложнее.

Поэтому я пишу. Моя цель – написать, как было. Безо всяких выводов.

Пишу ради памяти тех парней – спецов, саперов, артелов и пехоты.

Пишу не потому, что я так хочу. Просто надо.

Просто я там был....

Утро февраля под Урус-Мартаном не задалось сразу.

Комбат построил вверенный ему саперный батальон и начал оглашать список. Из полудремы меня вывел толчок локтем в бок.

«Собирайся ты в горы со спецами едешь»: сказал кто-то рядом. Ну еду и еду подумал я и оглянул воинство.

Из всех, кто должен ехать в горы, я более-менее знал одного -срочника Серёгу Макарова. Остальные – новенькие, не больше месяца, максимум.

Я подошел к помнач штаба майору Лотюку и задал закономерный вопрос.

– Тащ майор, я все понимаю. Я залетчик и вообще тварь, конченная, как считает подполковник Литвинов, но пацаны за кой хрен? Это же горы! Это первое, а второе: точно спецназ? Если спецназ, у них своих саперов до жопы должно быть.

– Я сам ничего не пойму, но сливают нашего брата по ходу, – мрачно высказался майор и длинно выругался.

Делать нечего, но какое-то неясное предчувствие непоправимого, прочно укрепилось внутри меня.

Возле штабных палаток, уже на парах стояли БМП. Нас стали распределять по группам.

– Старший лейтенант Калинин, – представился бородач в «горке». Нормальный с виду мужик без закидонов и апломба.

Знакомимся. Я пытаюсь прокачать ситуацию и узнать, что

и как. Выясняется: мы дружно идём в край непуганых чехов. Четыре группы, на каждую – по высоте. В каждой группе чуть больше десятка спецов, плюс два сапера.

Мой взгляд красноречивее всяких слов.

– И как мы удержим, если что, высоту? – с наивной рожей спрашиваю я у командира.

– Как-нибудь, мы же спецы, – отвечает он, хотя уверенности в голосе не слышно совсем.

Я смотрю и обалдеваю: кто-то в чулках от ОЗК, кто без них, кто в чем. Что-то меня все меньше радовала перспектива этого путешествия. Дурдом начался сразу. Построение и куча многозвездочных папиков с правильными речами.

«Это с чего такая честь?» – подумал было я. Понял, когда увидел кучку придурошных корреспондентов с фотокамерами. Они жизнерадостно щелкали все и со всех ракурсов.

– Это что за придурки? – спросил у впереди стоящего парня.

– Журнал огонёк, – даже с гордостью промолвил он.

«Мама родная, – крутилось в голове, – нельзя перед выходом фоткаться! Это примета, проверенная временем. Она, сука, действует.

– По машинам!!! – проорал кто-то, но сам не поехал.

Зато корреспонденты уселись на броню с видом покорителей Вселенной.

«Только не это, господа, ну на кой это? Дай этим людям мозги!». Примерно так, если отбросить мат, крутилось у ме-

ня в голове.

Наконец-то приехали, мой напарник – Макар. Бережно прижимая к груди две монки, преданно смотрел на меня.

– А это на кой?

– Дали, я и взял, – пожимает мой напарник плечами.

«Хрена себе струя» – обалдеваю я уже в который раз.

Разжигаются костры. Парни принимают подходящие позы. Фото, конечно, – супер.

Сейчас, глядя на эти фото улыбающихся парней, я думаю: «Мог ли кто предполагать, что эти фото, это последнее, когда они живы. Их тела не обезображены до неузнаваемости. «Ведь знали про эту проверенную примету, но каждый гнал её от себя. Кстати, те кто не попал в объектив, те и остались живы.

А пока на поляне парни позировали, корреспонденты упивались от счастья, в общем – пикник на природе. Но всему приходит конец.

БМП, разбрызгивая грязь, рванули до дома до хаты, увозя с собой прикрытие и фотографов.

Пора выдвигаться.

Так как мы, по мысли, прибыли на отправную точку тихо и незаметно: оркестра то не было, значит – тихо; то первым делом – построение. Построились, развели по группам.

Мы с Макаром в нагрузку получили по мешку от спальника. Господи, чего в нем только не было: сухпайки, вода, сигареты, патроны, всякая хрень. Вес у этого подарка кило-

грамм сорок, точно. Лямки режут, хоть подтягивай хоть нет. Ладно, хоть кто-то из парней дал куски поролона.

Марш начался.

Тупо по тропе вверх. Сразу заухали филины.

– Не ссы, Макар, – хриплю я, – Нас ждут. Потерпи, недолго осталось.

Тот пыхтит, но идёт. Стоящий парень, ничего не скажешь.

Время от времени от кишки колонны отрывались двое-трое парней, и в сторону. Дозорные, мать их. При возвращении дозора, объявлялся привал, и отцы командиры устраивали «Совет в Филях». Судя по всему, никто толком не знал куда и зачем мы идём.

Колонна растянулась. Идём тупо по тропам. Что характерно: ни мин, ни растяжек – ничего.

Каша из грязи и снега прилипает к сапогам и даёт лишний вес. Скорость чуть больше, чем у черепах. На одной из развилок снова «совет в Филях». Четыре командира, а толку нет.

Пока есть возможность, садимся с Макаром на перекур. Издевательство в том, что выдали папиросы «Беломорканал», они мало того, что сырые, так ещё и высыпаются.

– А куда это мы, Толян? – спрашивает меня Серёга.

Я промолчал, ну не говорить же ему, что, когда я ехал, думал будет лучше, качественнее, чем в первую войну. Но хрен там, все хуже, гораздо хуже. На весь саперный бат, два БТРа шестидесятки.

И тут, в спецназе, смотрю, не айс. Где те офицеры, что прошли первую войну? Где?

А я отвечаю. Они есть, только многим это все не уперлось ни в одно место. Они за бабло, да за выслугу.

Вот и сейчас. Глядя на нашу колонну, хочется спросить... Хотя, почему хочется?

Встаю и иду до командира своей группы.

– Командир, ну с нами понятно, а это кто? – киваю на двух непонятных личностей.

– Арт корректировщики, – отвечает он и тут до него доходит несуразность происходящего.

– Вот именно, командир, – озвучиваю я ему его же собственные мысли. – Групп – четыре, а артелов – два. Интересно, правда?

Мы оба замолчали на время, потом Калинин, излишне бодро, произнес:

– Ничего, прорвемся.

– Это ты сейчас кому говоришь? Мне или себе? – с наивным видом дурака спрашиваю я. – Если мне, то я не дурнее, чем у моего отца дети. Если себе, то врать себе не надо. Говном это все воняет, и ты это прекрасно понимаешь. Из восьми саперов более-менее опыт у меня, и это на случай, как сказали, ежели чего.

Калинин молчит, рядом остановился Боченков, командир подобной группы.

– Ну че, сейчас на ту горюшку и привал до утра! – уверен-

но говорит он нам и кивает на меня, – Не устал, сапер?

– Да не, – отвечаю, – просто заебался, а так ниче...

Легко сказать, подняться. Головная часть уже на горе и костры жгут, а хвост все ещё поднимается. Еле дыша, падаем кто где, скидываем непомерный груз. Пытаемся прийти в себя, но я через не могу встаю и пинаю Макара.

– Серега пошли, надо округу прочесать.

Тот с тихой ненавистью смотрит на меня, но поднимается с места.

– Я с вами, – говорит Санек, снайпер, – надо точки при-
смотреть.

– Ну, пошли, – вздыхаю я, и мы начинаем мотать круги вокруг сопки. Успеваем, после небольшого обсуждения, поставить несколько РГД на растяжки, и на этом все.

Поднимаемся на сопку, а там все прекрасно. Костры горят, ребята сушатся и готовят ужин. Часть рассосалась по секретам. Кто-то из парней, что отходил во время движения, увлеченно рассказывает.

– Видел я чехов! Идут почти параллельно нам, но не достать, а так можно было бы... – увидев меня, приглашает к костру, – Сапер, давай к нам, похаваем.

Два раза говорить не пришлось. Вся пикантность ситуации была в том, что нас, саперов, отправили по сути без ничего. Сказали, что у спецов все есть они и накормят. Даже ковриков не было, поэтому предстояло коротать ночь просто на земле. Романтика, блядь!

Поев, кто-то из парней стал интересоваться у меня бывал ли я в этих краях в первую, слово то блин какое, кампанию.

– Бывали мы тут, только с другим коллективом. Разведка была нашей бригады, правда нет её теперь, бригады. Расформировали, но не суть, – и я начинаю рассказывать про бригаду, про Дарго, Белгатой, Бамут... Оказалось никто ни сном, ни духом. Вот тебе и выводы сделали, после первой. Хотя, чему удивляться, как было всем по хер, так и осталось.

– А я знаю, мужики, почему такой гон идёт, – вдруг заявляет один рыжий и бородатый, – все гораздо проще. Выборы у Путина, март скоро, вот и надо рапорточек новому пахану на стол положить, мол вот я какой разпиздец геройский генерал, мать их за ногу.

«Всё верно, говорит парняга, – думаю я, – все, сука, проще и ничего у нас не меняется. Главное очко начальникам лизнуть, какой ценой не важно. Важно первым быть и со вкусом, чтоб понравилось, вдруг запомнит и приголубит. А мы, то так – насрано. Роль мучеников героев давно готова». Но почему-то внутри меня разгорается злость, весёлая бесшабашная злость. «Хуй вам, бляди, будем жить назло вам, как бы не пришлось туго!»

Ночью стал накрапывать дождь, мелкий, противный. Сырость пробирала до костей. Остатки костров дымили, то там

то тут вспыхивали огоньки папирос. Я уткнулся головой в мешок и тщетно пытался уснуть. Постоянно менялись секреты, в общем ничего нового. Утром же командиры групп долго шептались в стороне и, наконец, начался марш. Санек, снайпер, шёл рядом, используя СВД, как посох.

– Блин, обсушиться бы где, – мечтательно произнес он, когда я поравнялся с ним.

– Слушай, Сань, интересно мне, однако, – спрашиваю я у него, – У вас часто такие выходы?

– Да нет, – чуть помедлив отвечает снайпер, – Так, обычно, налегке. Да и быстрее как-то все.

– Ну а куда вообще то прем? – не унимался я.

– Сказали же, высоты занимать, – отрезает Санек.

Так и брели, вслушиваясь в прерывистое дыхание друг друга. Ближе к обеду привал. С наслаждением снимаю сапоги, они мокрые насквозь. Кожа на ногах морщинистая и синяя от воды. Достают НЗ – портянки, честно украденные ещё в расположении батальона. Не новые, ношенные, но, блядь, зато сухие. Пальцы на ногах сразу противно заломило.

– Сапер, иди сюда, – зовёт меня кто-то из командиров.

Делать нечего обубаююсь подхожу к ним.

– Сапер, давай в головной дозор с нашими. Сам посмотришь, что и как, ты же опытный у нас, – с каким-то сарказмом говорит Боченков.

Я лишь пожал плечами, ну не спорить же и не меряться

у кого длиннее. В головном идём втроём: я и два бородатых паренька.

– Вы осторожнее, парни, а то если что, пехота наша не думает – она завалит к ебням и весь хуй до копейки. – предупреждаю я вскользь пацанов.

– Я знаю, наши вообще без башки, – отвечает один.

Второй почему-то грустно добавляет:

– Я до дома бриться не буду. Приеду – сбрую и забуду всю эту хрень.

– Не, не забудешь, поверь мне, – успокаиваю я его.

Оторвавшись метров на триста от основной группы, мы от дерева к дереву идём, высматривая противника. Пройдя километра полтора, мы охренели сразу и бесповоротно от увиденного.

Полянка, тёплые угли от костра, упаковки из-под чего-то «маде ин турку». Что более всего добило – ни малейших попыток скрыть, хоть малость, следы пребывания. Внимательно исследуем поляну. Были недавно, но ушли, а вот куда – вопрос.

– Знаете, парни, – говорит, один из моих напарников, – Я, как браконьер, могу сказать лишь одно – нас, как зверье какое-то, гонят. И гонят не по хуйне, а как вымотают, грохнут.

– Да ладно тебе, – сомневаюсь я, хотя в душе понимаю, что он прав, тысячу раз прав. Уж больно нагло, даже в открытую, ведут себя боевики...

– Что делать будем? – спрашиваю я у спецов.

– Вперёд, – командует тот, что по моложе. Хрен поймёшь кто у них, кто по званию и по должности, поэтому вопросов не задаю.

Двигаемся с ускорением, будто хотим догнать боевиков. Ещё раз натываемся на место их привала. Один из наших обнаружил окурочок и, судя по запаху, – анаша. Причём хорошая, качественная, не та хрень, что чаще всего продаётся в России.

Наконец-то в рации что-то пробухтело, и мы возвращаемся к основной группе. Заняли, как обычно, горюшку повыше и вновь костры и, как оказалось, вовремя, ибо через час пошёл мокрый снег. Для розжига пришлось пожертвовать парой шашек тротила. Пусть вонь, пусть копоть, зато тепло. Во фляге кипячу воду, кофе из сухая, вроде согреться удаётся.

Знаете, спустя много лет, когда я слышу или вижу надписи «можем повторить», мне грустно. Пусть повторители или реконструкторы или кто там у них, просто повторяют тот февральский марш-бросок ребят. Молодых ребят. Пусть просто повторяют, а после этого уже можно в угаре кричать, что хочешь. Но, а тогда, сидя у костра и вдыхая тёплый воздух, периодически скидывая со спины и плеч мокрый снег, я просто ни о чем не думал. Зачем?! Ощущение неизбежности то накатывало, то отпускало. Я знал, что вскоре наступит просто пофигизм, реальный пофигизм, который толкает на подвиги

или в бессмертие.

Сырость, всепроникающая сырость. До костей. Озноб.

Из лекарств есть только ацетилка. В индивидуалке у меня выделенный одним из разведчиков-спецов Сиднокарб (пара таблеток). Промедола, кстати, тоже нет. А на хрен, он саперам не положен. Его списывать долго, лучше на хрен не давать. И перевязочных пакетов тоже нет. Да и правильно. Билет то, по ходу, в один конец.

Рядом садится парнишка из группы Калинина, отложив в сторону Стечкин, интересуется,

– А что, как думаешь, когда все закончится? – я молчу, он продолжает. – Мы тут по горам ходили, надыбали чехов. Так наводчик саушки навел, а мы просто, даже не стреляли. Наше дело найти было. А щас, как думаешь?

Он пристально смотрит, ожидая ответа. А что я могу сказать? Надеяться на чудо – глупо. Хотя они и случаются, поэтому отвечаю уклончиво,

– Хрен знает, проживем увидим, – и меняю тему. – Дашь из пистоля пострелять?

– А у вас что не было? – наивно спрашивает он.

– Конечно не было, нам ведь не положено, – успокаиваю я его.

Ну не говорить же ему, что в первую одна только разведка и саперы нашей бригады имели столько оружия, что спецы нынешние обзавидовались бы.

– Ладно, дам, – милостиво соглашается паренёк.

К нашему костру, подтягиваются ребята и вскоре нас человек семь. Кто греет тушенку, кто заваривает чай и, как водится, началось все издалека.

– Нет, мужики, я все понимаю, но нас до этих высоток и на вертуханах могли докинуть, – начинает кто-то у костра.

– Ага, – отвечаю я, – У них то воздух занят, то ещё какая-то хрень. И вообще, вы в общаге у летунов были?

Все молчат.

– А я был, там газ-квас полный. И хули вы хотите, в Моздоке генералов, как говна на ферме. Им даже честь не отдают, заебешься, – сырость и неопределенность меня пробили на разговор.

– Вы тут думаете мы герои? Хуй там! У них, – я машу рукой за спину, – каждая штабная блядь имеет наград больше, чем мы все вместе взятые. И поверьте, справочки они себе нахуярили – будь здоров. А ты потом ебись доказывай (причём им же), что ты был, принимал и участвовал.

Я ржал, идёшь мимо, а там кунги, сети и надписи: «ОРТ», «НТВ» и так далее... И такое пиздят, уши вянут. А когда у них в банно-прачечном батальоне один другого штык-ножом завалил, по синей грусти, то аж диверсантов искали. Тьфу, блядь!

А как крокодилы стоят под масксетью, рассказать? Хуеплеты приедут, сети снимут. Мол, вот они есть у нас. Мощь какая! Охуеть просто! Только они денег стоят, упаяешься отписываться.

А вы хули, списали и – на хуй. Железо посмертно вручат, только вам от этого ни жарко, ни холодно. И может быть, когда-нибудь, детям на уроке очередного мужества, какой-нибудь отставной полкан будет чесать заученную сказку про то, как погиб пацан и его последней мыслью была распирающая любовь к Родине.

Я выдохнул и замолчал. На удивление, парни восприняли все спокойно. Пребывание тут, в постоянной жопе, меняло не только восприятие мира, но и мышление.

– А я знаю, – вдруг проговорил один из рослых парней, по виду и облику бывалый и тертый контрабас. – Нас вон к мужику представляли. И хули толку? Ждём. А манда, вон, за пизду свою уже имеет, и все чин по чину. Так что прав ты, Сапер. Тебя звать то как?

– Толян, – представляюсь я и жму ему руку.

– Леха, со Пскова, вернее с части, а так... Да какая разница, все мы с России, – усмехается тот.

– Ты давай ещё загни про Родину, про Долг и Честь, – подначивает один из нашего коллектива.

– А у меня, где была честь, хуй вырос, – хохочет Леха, – Поэтому не заморачиваемся. За парней порву, остальное вообще не дыр-дыр.

– Все, парни, по ходу не идём сегодня никуда, старшие власть поделить не могут, поэтому я в секрет....

В горах темнеет быстро и рано, поэтому еле успели выста-

виться. Батареи КБН бережем, хрен знает сколько скитаться. А время неумолимо шло. В темноте каждый шорох воспринимался обостренно. Вся дурь была в том, что костры не гасили и у них появлялся то один, то другой боец. Кто дров подкинуть, кто просто погреться. Подошёл и я. Прикуриваю от уголька и слышу.

– В кулак кури, снайпер ёбнет.

Я оборачиваюсь и вижу Калинина.

– У вас все хорошо? – ехидно спрашиваю я, – А то, что костёр? И я возле него. И вы, кстати, тоже. Ниче?

Тот, пробормотав извечное: «дурдом», ушёл в темноту. Не обостряя отношения отхожу и я.

– Ложись на моё место, – шепчет Леха, – я все равно в секрете. Кемарни хоть децл.

Он бесшумно растворяется в темноте.

Эх, Леха! Друг. Даже больше, чем брат. Я ведь так толком и не узнал тебя. Но этот вот жест, когда ты уступил свой коврик для нищего сапера – голодранца, я помню до сих пор. И буду вечно помнить. Прости меня, если что. Я верю, ты до сих пор где-то рядом. Потому что иногда я слышу из ниоткуда твой голос, когда уже вырубают от усталости: «Кемарни, хоть децл...»

Утром началась уже апатия. Это когда ты понимаешь, что идти надо, а куда и зачем – уже по хер.

Мокрые, злые раскуриваем папиросы. Демонстративно ломаем ветки, запаливаем костры. Командиры групп посто-

янно что-то бубнят по радиии. У них нет сил даже ругаться. Не только матом, вообще ругаться.

Мешки, промокшие до нельзя, тянут плечи, но в путь. Меня на сегодня пихнули в боковой дозор. С двумя пацанами срочниками топаем по лесу, романтика, блин. Один из нашей троицы вдруг плюет себе под ноги.

– Все, заебался, хватит. Быстрее бы боевики что ли...

– А что поменяется? – спрашивает второй и, видя, что мы молчим говорит, – Вот то-то, а боевичья на наш век хватит. Даже останется. Сапер, как думаешь?

«Ну что за манера, – про себя думаю я, – как что, так меня спрашивать. Я что – рыжий?!»

Но вслух отвечаю.

– Да не тут мы их гоняем, парни. Их в Москве да в Питере гонять надо, а тут так, шелупонь.

– Ну не скажи, – как-то неуверенно подхватывает мой напарник и показывает Стечкиным куда-то в даль, – Тут тоже алахаббаровцы ещё те.

– Да брось ты, – отмахиваюсь я, – если им месяц денег не давать, вся эта херня на раз закончится. Поверь мне.

Мы могли и дальше бы спорить, но тут натыкаемся на место, даже не стоянки, просто лежки...

– Совсем охренели, – ворчит один из наших, держа в руке металлический таганок, из комплекта сухпайка. – Тёплый, блядь. Только что были, а могли бы, как путевые, подождать.

Он задумчиво крутит таганок в руках и осматривает по-

ляну

– Странно, такое чувство, что они где-то рядом. Просто смотрят и прикалываются, – говорит он наконец.

До меня потихоньку доходит в чем странность ситуации, но не тут и не сейчас, все потом.

Покрутившись, возвращаемся к основной группе. Как обычно, колонна растянулась. Топаю по грязи в центр колонны, где по логике вещей должны быть старшие. Я уже не поражался тому, почему нас не грохнули. У меня был другой вопрос: когда?

Радист группы, с полусонным, отрешенным от усталости взглядом, сидел прислонившись спиной к дереву. Его было реально жаль. Наша портативная рация, сто пятьдесят девятая, плюс «Историк», плюс БК, плюс дополнительный груз, да ещё и аккумуляторы, чуть меньше автомобильных...

Если кто-то из нынешних реконструкторов хочет попробовать, милости прошу. Только все это никак не вписывается в «Уря-картинку». Поэтому до сих пор у меня к этим мальчикам, реконам, отношение скептическое.

– Чо тебе? – прохрипел связист.

– А где?.. – начал было я.

– В пизде, – в рифму прервал он меня, и просит, – Помоги встать.

Даю руку. Он цепляется за неё, переворачивается на колени и, держась за меня, встаёт.

– Сука! – хрипит он, – Выкинуть бы это все.

– Так выкинь.

Он кивает, встает на колени, открывает РД. Оглянувшись по сторонам, он как-то воровато закидывает в кусты несколько банок с кашей.

– Все, блядь, полегче будет, – то ли оправдывает, то ли успокаивает он себя.

Но он не один, уже многие следуют этому примеру. Лишний груз выкидывается по всему маршруту. Стараемся оставить только необходимое. Но и это необходимое немилосердно давит на плечи.

Все, привал закончен. Снова обреченно встаём и идем. Качаясь из стороны в сторону от усталости, но в то же время полные решимости сцепиться с противником. Нет не потому что надо, а лишь только для того, чтобы быстрее все это закончилось.

Не обращая внимания ни на уханье дневных филинов, ни на что другое, мы просто шли. Это не был марш обреченных, это, по сути, был марш, сравнимый только лишь с маршем Суворовских войск. Но тогда сам фельдмаршал был с ними, поэтому и была победа. А в нашем случае все великие стратеги сидели в тёплых кунгах и выговаривали нам по рации за медленный темп и за отставание в графике.

– Может вам ещё инструктаж провести? В журнале расписаться?! – орал в рацию осунувшийся от усталости ротный, или кто он там у нас. – Вы сами-то понимаете, чего хотите?! Все отбой!!!

Командир смотрит на нас. На меня, случайно оказавшегося рядом. На лейтенантов – командиров групп и наконец говорит:

– Там ёбнулись. Они хотят, чтобы мы разделились и каждый своей группой шёл на свою высоту.

– Не дойдём, – уверенно говорит Боченков, – Нас накроют раньше, чем мы догребём до высоты.

– Нам воздух обещают, – говорит старший, – Небо ясное. Вертушки будут...

– Ага, – не выдерживаю я, – Это у них небо ясное, а у нас туман, февраль и страна непуганых идиотов. Разделимся – ёбнут, не разделимся – тоже ёбнут, но так хоть шанс будет.

– Ты кто? – опешил от моего хамства командир всего нашего колхоза.

– Посрать вышел, к вам попал. Сапер я, – представляюсь ему.

– Сапер дело говорит, идём как идём, – поддерживает меня Боченков. На том и порешили. До следующей высоты оставалось немного, а там ещё одна и ещё, но конечный путь был неизвестен. Да и есть ли он...

Это теперь, сопоставляя многое, понимаю. А тогда... Тогда было не до этого.

Мы шли, шатаясь, будто пьяные. Потихоньку время теряло всякий смысл. Груз распределяли уже как-то равномерно. Сиднокарб берегли на крайний случай. Бахилы от ОЗКа вскоре полетели к чертям собачьим, каждый старался облег-

чить себя как мог.

Уже не было разницы кто есть, кто. Спец или сапер, не важно. Все шли, четыре группы, пока ещё вместе. Меня и радовала, и напрягала мысль об отсутствии мин. Даже вшивых растяжек, ничего не было.

На привале я доковылял до Калинина.

– Тащ командир, тема есть, – начинаю я хрипеть.

– Знаю, – еле слышно говорит тот, – нас просто гонят. Мне охотники рассказывали. У них есть такое – гонят зверюгу, пока он не выдохнется, а потом валят.

– Ну и?.. – подталкиваю я его к разговору.

Он просто лежит на спине и молчит. Я тоже не стал ничего говорить. Зачем? Осталось только ждать время и место. А тут банкуем не мы. Боевики хоть и вели нас, но мы не соприкасались. Они упорно, будто ожидая команды, кружили рядом.

Уже ближе к вечеру я привалился спиной к дереву и... очнулся от удара в лоб ложкой.

– Жрать давай, – проговорил один из спецов, – Наши на горе. Мы тут заночуем.

Он присел рядом со мной и снял берцы. Ноги синие, со вздувшимися венами, а на пятках реально засохшая кровь.

– Блядство какое, – проговорил он устало, – хоть грохнуть кого, да берцы снять. Ты не в курсе, надолго это все, вроде со старшими треплешься? – Спросил он у меня, для само-

успокоения что ли, ответ то он знал заранее.

– Долг выполняем, – усмехнулся я, принимая у него из рук полбанки тушенки и ложку.

– Долг говоришь? – переспросил он у меня и ровным от усталости голосом проговорил. – Ебучие рога, не успел родиться уже должен. Школе должен, ментам должен, теперь стране должен. Я чо, занимал у них? Я маме должен, папе должен, соседке тете Свете должен, она мне на сигареты давала. А стране нет, я ничего не должен.

Я ел безвкусную тушенку и молчал. Хотелось только одного – чтобы это все закончилось. Просто закончилось и все.

– Ты, говорят, стихи пишешь? – ни с того ни с сего спросил спецназовец.

– Есть такое.

– Знаешь, что бы не случилось, ты напиши об этом всем, – он обвел рукой вокруг себя, – просто как есть, напиши...

Мы молчали ещё немного времени и потом я сказал:

– Обещаю, я напишу.

Сейчас прошло двадцать лет, и я пишу. Простите, парни. Я честно хотел забыть, но с возрастом, вернее, под занавес жизни многое понимаешь. Это мне нужно, это тем нужно, кто остался. Назло и вопреки.

Я стою и курю в окно. Это теперь я многое знаю и понимаю, но двадцать лет, на что я их потратил? Суета. Погоня за чем-то призрачным. Ну и что? Ради чего я остался живым? Ради этого? Простите мужики. Просто простите.

А тогда...

Тогда, доев тушенку, я с трудом поднялся. Опираясь на автомат, как на посох, сказал:

– Подъем, мужики! Вперёд, к нашим!

И мы пошли. Пусть через не могу, но мы поднялись на эту высоту. Там уже трещали ветки, разгорались костры. Парни, меняясь у костров, налаживали службу.

Я притулился рядом с Макаром. Тот сидел на земле, умо- стив под задницу монку. Вторую протянул мне и, улыбаясь, проговорил:

– Сейчас Чайковского дернем, согреемся. Скоро, говорят, конец будет...

Он улыбается. Для него конец пути – это тёплая палатка, спальный мешок и дембель. Долгожданный дембель.

«Господи, сделай так, чтоб ты жил, – думал я, глядя на Макара, -Я не смогу многого, но я постараюсь».

Встаю. Иду к костру, где сидят наши офицеры. Нужно решать проблемы, а судя по всему они у нас вырисовываются все больше и больше. Аккумуляторы скоро сядут, по связи постоянно новые вводные и никакой ясности. Одно только понятно – будет бой. Но вот когда?

С этим я подошел к начальству. Пользуясь тем, что я им не подчиняюсь, я спрашиваю прямо в лоб:

– Ну что, мужики! Не в курсе, когда нас убивать будут?

– Скоро, как только на точку первую выйдем и бу-

дуг, – спокойно, как-то без эмоций, отвечает Самойлов, один из командиров групп, и приглашает, – Присаживайся. Кофе пайковое будешь?

Я присел рядом, между трёпом ни о чём, каждый скрывал свою тревогу.

– У нас, в головном, на дальней высотке троих видели, – говорит Самойлов, – Ходят спокойно, не боятся совсем.

– Артов на них надо, – говорю я для поддержания разговора.

– Ага, чтоб нас и накрыли, к ебням, – командир нашей банды совсем мрачен. Оно и понятно, после ночевок на земле у многих начался кашель и температура, что сказывалось на темпе, да и не только на темпе.

– Блядь, да выключи ты рацию, – говорит он радисту. – Щас опять:» Уточните то, уточните это. Как самочувствие?» Сами бы сюда прибыли и посмотрели. Отцы-командиры, твою мать...

В темноте к нам подошёл один из парней с секрета.

– Там, вдалеке костёр не костёр, но в общем огонь виден. Что делать? – Да ни хуя не делать, – говорит командир. – Что ты можешь? Они у себя дома. А может ещё кто из наших шарится. У нас же все отличиться хотят, даже ментовской спецназ пригнали, а как что, так помощи и не дождёшься.

Ещё обсудив текущие проблемы, решили все же не разделять группы и по прибытию ошестиниться минными заграждениями. Тем более восемь монок на четыре группы. Если

собрать воедино и правильно рассчитать, дают хорошую форму перед атакующими.

Ночь была противная. Мокрый снег падал хлопьями, костры просто дымили. Я пожертвовал ещё парой шашек тротила, чтобы более-менее согреться. За день мокрая от пота одежда просто леденела. Каждый хотел прижаться к костру поближе, просто чтобы глотнуть тёплого воздуха. Всех колотил озноб.

То тут, то там слышался утробный кашель. Началось то, что нигде и никак не прописано – простуда. Оступляющая и от этого ещё более поганая штука. Казалось, что нет никакой силы оторвать человека от небольшого тлеющего костра, который давал, по сути, иллюзию тепла.

Через все «не могу», через себя, вставали, чтобы или подкинуть веток, или в секрет. Я и ещё двое по негласному уговору не спали. Мы переходили от костра к костру и пинками поднимали тех, кто в забытьё переворачивался на спину. На спине за пять минут на мерзлой земле – гарантия пневмонии, к бабке не ходи. Наиболее опытные ложились лицом вниз руки под себя, ладонями под лицо и дышали, а сверху на спины падал и падал снег.

Вкус сигарет и папирос не ощущался совсем. Не сговариваясь, приняли по «чудо таблетке» и запили холодным чаем. Вскоре наступил прилив сил, но каждый из нас троих чётко представлял последствия этого шага. Утро наступает в горах

медленно и противно.

Еле-еле кто-то ломает ветки, костры разгораются. Многие не в силах, вернее в апатии. Леха, осунувшийся за эти дни, просто смотрит в одну точку. Сегодня в головном идут люди Боченкова, поэтому мы потрошим мешки. Галеты превратились в труху. Но в пакете есть еще сахар, чай, есть папиросы, но с тушенкой напряг. День продержимся, а как дальше – посмотрим.

Калинин, прихрамывая, возвращается с «совета стаи». Судя по лицу, ничего хорошего. Вытаскивает карту, мы подходим к нему ближе. На карте, отмеченной всякой хренью от спец. части, или кого там, четыре высоты. По сути, рядом, но вот почему мы петлями прём, он ответа не даст. Это для нас он командир и так далее, а для тех, кто послал, он такой же кусок мяса, как и все мы. Понимание этого не столько злит, сколько просто угнетает.

Калинин просто осматривает нашу группу. В его глазах нет жалости, в них что -то другое, понимание ситуации, что ли.

– Значит так, мужики, – говорит он тихо, – Стране нужны герои...

– А пизда рожает дураков, – выдыхает кто-то позади меня.

– Не, всё не так, – словно не замечая реплики, продолжает командир группы. – Страна любит героев, ей они как воз-

дух нужны, но только мёртвых героев. Мёртвые, они лишнего не скажут, их хоть награждай, хоть поминки заказывай – всё едино. Наша задача выжить. Хоть кому-то, но выжить. Всё, мужики, больше ничего не скажу. Через полчаса выдвигаемся.

Он, также прихрамывая устало, отходит в сторону. Кашель потихоньку стихает. Я смотрю и вижу на лицах ту реально страшную угрюмую решимость, которая и выигрывала все войны. Сейчас это простуженное, помороженное войско было готово. Готово рвать, сметать любого противника впереди себя.

– Начали, мужики, – командует кто-то впереди.

Мы пошли. Даже не затушив костры, просто уже в открытую. И правильно. Почему мы должны бояться? Пусть бояться нас!

Даже срочник Серёга Макаров, которого в батальоне и за бойца не считали, сейчас как- будто преобразился. Вечно сутулый, боящийся дедов больше, чем чехов, сейчас будто повзрослел. Распухшими пальцами он нежно гладил спусковой крючок автомата и, не поверите, он улыбался. В этой улыбке было понимание, а главное, полное презрение к тому, что будет.

Медленно, скрипя, через силу, но мы набирали обороты. Когда поднимались на очередную высоту, в воздухе ощу-

тили запах дыма. Недоуменно переглядываясь, мы как могли старались прибавить ходу. Мысль о том, что вот сейчас все закончится казалось прибавляла сил. Но на высоте, кроме тлеющих углей, не было ничего.

«Привал». Эта команда словно выпустила из нас воздух. Кто где стоял, там и упал. С минуту стояла тишина, но потом началось движение. Кто в ямах собирал снег в котелки, кто ломал деревья.

Выставляется охранение. Я со снайпером спустился немного вниз. – Мины будешь ставить? – спросил он.

– Нет. Ракетницы есть?

– На, – он протягивает мне пару осветительных ракет. – Это последние. Я остальные выкинул. Сука, ноги сводит.

– Сними сапоги, – предлагаю я.

– Я их потом хрен одену, – как-то даже виновато отвечает он.

Кое- как вдвоём стянули сапоги. Оба с минуту смотрим на сине-чёрные ступни.

– Поморозил то, когда?

– А я знаю, – морщится тот от боли. – Делать то чего?

Пытаюсь судорожно вспомнить, что надо делать в таких ситуациях. Не могу. В голову лезет всякая хрень, но ничего по существу в голову не лезет.

– Ты потерпи. Недолго, наверное, а там на базу, – нарочито бодрым голосом говорю я.

– Сам то веришь, – усмехается снайпер и через паузу до-

бавляет. – Главное, чтоб не плен. Пусть сразу, но хоть одного, да завалю. Его голос похож на бред, но глаза ясные и чистые.

Вскоре на сгибах бушлата стала образовываться корка льда. Разминая пальцы на руках, я больше всего боялся впасть в состояние то ли апатии, то ли прострации. Тогда все. Время до смены тянулось. Мы курили и молчали. Усталость просто давила, а больше всего давила неопределенность

– Блин, хоть бы попёрли что-ли, – не выдерживает тишины мой сосед.

– Если и попрут, то в полседьмого- не раньше, – выпуская кольца дыма, отвечаю я.

– Это почему?

– А у них в шесть намаз. Пока шахт ворох, до нас в полседьмого. Ну, максимум, в семь. Так что пожрать время будет, – вроде как успокаиваю я его.

– Смена. Давай, парни, к костру, – менять нас пришёл сам Калинин с ещё одним бойцом.

Командир группы, сам уже больной, но вида не подавал, хотя я знал насколько плохо ему сейчас. Сам делился с ним дешевым парацетамолом, и то честно уворованным у нашего батальонного врача.

– Не ссыте, парни, по балаболке сказали – пехота уже в пути, – бодро радуется командир.

– Ага. Мой пизду и ноги – я уже в дороге, – парирую со злостью. – Тут и конвой где- то, а чо толку?

– Не конвой, а минюст, – поправляет меня Калинин.

– Те же яйца, только вид сбоку, – продолжаю я. – Им бы зеков плющить, а их в горы погнали. Конечно, я понимаю, всем примазаться хочется. Кусочек то жирный. Только скажи, командир, по чесноку, неужели, блядь, ради звёздочки лишней, или отметочки в личном деле, или денежки лишней, можно вот так, не за хуй собачий, пацанов и мужиков просто под сплав! Их по ночам потом ничего не ебёт?

Я смотрел на Калинина, хотя знал, что он скажет.

– Ты прав, наверное. Тут у каждого своя правда. А правда, ты сам знаешь, она как проститутка – её каждый хочет, но никто не любит. Совесть, или как там её, поверь, заткнут, кому деньгой, кому еще чем. Так что задача наша простая – приказ выполнить. Всё, давайте к костру.

Я ковылял до костра и смотрел по сторонам. У костров сторбившиеся тени пацанов. Хорошо, что снега нет, хотя мороз пробирал крепко. Уже возле огня мне пихнули в руки кружку обжигающего чая. Пальцы сразу заломило. Но, Господи, как хорошо, что можно хоть чуть-чуть согреться.

Сидя у огня, я потихоньку провалился в сон. В полной тишине на поляне только иногда раздавался надрывный кашель, да хруст подбрасываемых в огонь веток. Наш поход продолжался.

То ли в забытии, то ли во сне, мне виделись картины той, казалось, далёкой первой войны. Почему-то явственно я видел лицо погибшего подполковника Стрижкова. Тот стоял и просто смотрел на меня, иногда с укоризной качая головой.

Что он хотел мне сказать, я так и не понял. Придя в себя, как от резкого толчка, продолжал ощущать его присутствие. Мистика, блин. Совсем с ума схожу, этого ещё не хватало.

Рядом стонал во сне Макар. Под голову положил МОНку. «Как настоящий сапер» – улыбнулся я про себя.

Где-то как -будто вышибали пробки, тихо. Но это – псссс, – поначалу не воспринималось никак. Лишь через пару секунд я понял – кто-то со «Стечкина» с ПБСом долбит в темноту, как в копеечку.

«А, по хрену» – подумал я, подбросил ещё веток, и постарался вздремнуть, свернувшись в позе эмбриона.

Ночью то и дело просыпался. Не пойми от чего, то ли от холода, то ли от того, что тело затекало до одеревенения. Макар, во сне вытянув ноги, угодил прямо в костёр. Но понял не сразу и ошалело тушил сапоги. В итоге, остался без каблуков и с дырками в подошве. Кто-то из ребят подогнал ему пару носок, хоть что-то.

Сидя у костра, ничего не хотелось делать, лишь бы замереть и все. И чтобы, хоть обманчивое, но тепло. Хоть на минуточку, но, чтобы было. Как мало оказывается человеку надо. Это просто надо прожить – ощущение тепла, сытости и, хотя бы минимального, уюта. Это потом уже, когда у тебя все вроде есть, а тебе мало, ты все нажраться не можешь. А тогда – только лишь капельку тепла и все. Тебе больше ничего не надо. Иногда, когда к перемене погоды у меня начинает ломать пальцы от боли, я вспоминаю эти ночи и понимаю,

что, если бы тогда не были пальцы поморожены и больные, не было бы меня сейчас. Непонятно что лучше.

Утром, сквозь туман, мы слышали завывание.

– Намаз творят, суки. Совсем, падлы, не боятся. – спокойно, будто речь шла о соседях, проговорил Калинин и подкинул веток.

Видя, что всем лень поддерживать разговор, рывкает:

– Встать!

Нехотя встаем.

– Так, присели, встали, сели, встали, так несколько раз!

Заставив нас шевелиться, он несколько раз кашлянул и дальше уже совсем несусветное.

– Быстро снять бушлаты!

Мы недоуменно снимаем.

– Сапер, огня!

Я, кажется, начинаю понимать, что он хочет. Бушлаты мокрые сверху – полбеды, а вот то, что сырые изнутри – это полная беда. Поэтому ещё немного тротила, веток и через минуту с внутренней стороны наших бушлатов повалил пар.

Слегка обсохнув, успели заварить чай и даже выпить. Наш отряд был готов. Сегодня нашей группе предстояло идти головной, поэтому мы, обогнав всех, заняли место впереди и ошестинившись двинулись.

Шли по гребням, поэтому подлянок сбоку не очень опасались, но вот впереди могла быть любая непонятка. Поэтому, рысача впереди всех, четверо (со мной вместе) парней

были предельно внимательны. Как оказалось, не зря.

Если бы не туман, я возможно, и не заметил бы проволоку через тропу. «Первая, да неужели», – успел подумать я и дал отмашку. Глазами провожу по мокрой проволоке. Так и есть – эфка. Одна. Поставленная наспех.

Что-то у кого-то не срастается, ибо поставлена она на дурака. Взорвётся – хорошо, нет – темп спадёт. «Не успевают», – отметил я про себя. Эфку снял, проволоку смотал и в карман, пригодится.

Начался мокрый снег и как-то совсем небольшой темп нашей группы еще спал. Командир группы несколько раз вызывал кого-то по радиии, но наша сто пятьдесят девятая имела потрясающее достижение. В горах она, по сути, бесполезна, особенно в непогоду. Так и в этот раз, толку от неё было ноль.

– Сука, где-то тут менты шарятся, – бормотал Леха (тот самый Леха, что делил со мной все, от тушенки до коврика).

– А хули толку то? – бурчу я, – Ты где видел, чтоб конвойный отряд боевым то был?

– А это мы потом узнаем, когда они мемуары писать будут, – усмехается Леха, – Оченно они на пенсии, писать любят. Пенсия она штука такая, нам не светит, а мусорам с рождения уже положена.

– Не любишь ты, Леха, ментов, – вторю ему я.

– А за что их любить? Есть ВВ, нормальные парни, а это УФСИНовцы, с них то что взять? Собственной тени бояться.

Я тактично промолчал, ибо Леха в чем-то прав. Люди, не имеющие никакой, по сути, подготовки, ради амбиций своего начальства, выживали, как могли. Помощи от них ждать – это явно горячка.

– Ну что, парни, рывок и на той сопке все, стоим, – выдыхает подошедший Калинин.

– Тащ командир, – обращаюсь я, – Мне, конечно, так -то не положено знать, но все же. Когда эта хрень кончится? Мы то кругами ходим, то по гребням, как козлы скачем. И на кой хуй, объяснить можете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.